

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Неожиданный подарок

Я проснулся, как от удара. Словно воздушная волна окатила меня, обдав прохладой. И, бывает ведь так, уже утратив сон, я некоторое время все еще лежал, соображая: что стряслось? Отчего это?

Но вот снова, снова потянулись мерные звуки из-за двери, отделявшие мою комнатушку от спальни хозяев. Скрипела тахта, вернее даже вздыхала, сипло и тяжело. Она была старая, как и вся мебель в этой квартире. Но не тахта всполошила меня, пронзив сознание острой догадкой. Вот, вот опять застонала женщина. Застонала монотонно, устало, хрипло, в такт кряхтенью тахты.

Откуда, черт? Откуда? Ведь вчера вечером. Когда и приплелся после тренировки, хозяин был с мужиком. Выпивали на кухне под скудную закуску. Они еще звали меня к столу, подняв свои стопочки, и глаза у хозяина щурились заискивающе. Он скрывался за маской радушного гуляки, но глаза выдавали его с головой. Неудобно было ему передо мной. Вот, мол, жена едва за порог, а он уже тепленький. Все знали, что Витька страдал от запоев.

Я, понятно, отказался. Спортсмен, то-сё вставать рано. И смылся в свою комнату. Не поддержал компании. Я ведь и вправду не пил.

Но где? Где они ее достали? Откуда? О, черт! И не заснуть ведь. Как всегда, под такое настроение в голове начался шабаш каких-то воспоминаний. То я прижимался и девочке в автобусе. Вернее, прижимала меня толпа. А уж руками скользил, поднимаясь по ножкам, я сам. Поглаживая кистью чулок, потом прорываясь, если повезет, на узкую прогалинку между краем чулка и трусиками. Ох, мать моя, как цепляло меня это прохладное девичье тело. Поражала гладкость, и припухлость рвущейся из-под рубцов плоти. Все эти чулки, резинки, трусики — они вливались в расцветающее тело. И так хотелось впиться в него! Впиться!

Войти! Да, что там... Помню, как тараканами висели мы под окном старой бани на окраине города. Там, а пару, среди мутных потоков «воды, мелькали тела. Распаренные, пышные, открытые.

Но одна была — «вещь»! Лет двадцати женщина, с роскошными бедрами. Я до сих пор вижу их. Они точно были шире плеч. Что по нашим тогдашним понятиям было ого, каким весомым показателем женственности! А когда она приподняла ногу, поставив ступню в тазик на скамье, когда пару раз провела мылом по бедру, внутри, до самых волос на лобке, мы не утерпели. Попадали, словно груши. Не зная, как охладить свое желание, сорвались в парк к танцплощадке.

Да, было, тянуло нас на клубничку. Но, честно говоря, прорваться в мужики мне как-то не удавалось.

И снова застонала, заметалась женщина. Натужней, гортанней ее повторяющиеся стенания. — Ещё! Ещё! Ещё-ё-ё! — выдыхала она напряженно, захлебываясь на гласных. Меня с ума сводил тот ее стон, и не видно ни черта! Я уже стоял у дверей. Однако стекло было фигурное, оплавленное, в разводах. Да и темень. Клубилось что-то темное на тахте. Прорывались какие-то светлые куски. Ноги ее, что ли, белесыми крыльями взлетали вверх? Два дыхания тяжело разрывали тишину. Временами сквозь шум постели доносились чмокающие звуки. Слишком мокрые.

Ага, вот он! Теперь я расшифровал темноту. Я видел его, поднявшегося над женщиной на

прямых руках, видел ее ноги, устало опустившиеся вниз, видно, держать их вертикально стало невмочь. Они согнулись в коленях, сплетая его бедра, и тогда он замычал. Как будто у него кто зуб тянул.

— Так! Так! Та-а-ак! — с придыхом, с взвизгиванием каждым «а» затянула она, задёргалась... и через минуту все смолкло.

Не знаю. Может, и стыдно. Может, и стыдно рассказывать о том, как первые в жизни окунулся в... и именно со шлюхой. С апкашкой. Но ведь это было.

Витька, не успел обсохнуть, умотал за поп-литрой. Я слышал, как он бубнил что-то о «чуть не добрали», как шурша поднимал с пола одежду, бродил, двигал мебель, стулья. Словом, одевался. Еще помню, с настойчивостью маньяка рыскал, повторяя про галстук. Ну не мог он без галстука двигать за водкой в половине второго ночи. Ну никак!

А потом его лапти застучали по подъезду, неравномерно считая ступени. Я тихонько (мне казалось, что я давно уже не дышу) отворил дверь в ту проклятую комнату. Я определенно Сходил с ума. Наглел, что называется.

Женщина белела на темном фоне смятой постели дьявольской приманкой. Мне сперва показалось даже, она уткнула голову под подушку. Оттого, что волосы у нее были темные, сливались с темнотой. Белели только руки, грудь, бедра и длинные ноги. Да-да, ноги ее тогда показались длинными, даже поразился. Я смелее, сам не зная зачем, шагнул к постели. И натолкнулся на её взгляд. Как на стену. Точнее, как об стену. Долбанулся! Замер. Ни туда, ни сюда. Долго так стоял. Кто знает, минуту, или пять. Сопел, как дурак, а выжать из себя хоть полслова не мог. И броситься на неё не решался. Застрыл, короче.

— Те же и студент! — прокомментировала она мое появление и протянула руку навстречу. Бог мой! Нет, не поздороваться, не познакомиться она хотела. О! Исчадие греха, она привлекла меня к тахте, ухватившись за член! Причём сделала это непринужденно и в то же время весьма настойчиво. Я-то давно уже забыл, что эмоции мужчины скрыть невозможно, особенно, когда он в одних трусах. А столбняк был стоящий! Он даже одеревенел весь, налившись избыточной кровью. Неудивительно, что соображал я туго. Лишь поразился, как споро она извлекла этот тупой обрубок, поманила, он и выскользнул. Впрочем, в тех местах, где он побывал, уже давно было скользко. Трусы сразу липко, коснулись тела. Слишком долго он пытался прорвать эту ткань.

— А твердый-то какой, ужас! — нараспев произнесла она и села на постели, опустив ноги на воощеный паркет.

От того, что она вытворяла, по мне забегали какие-то импульсы. Она ласкала рукой, гладила, а меня словно кнутом подстегивали. Я не знал, хорошо ли это, не думал о стыде или чем-то таком правильном, а только вздрагивал от ее рук. И тут она склонилась ко мне, щекотно пройдясь волосами по животу, окатив горячим дыханием. Я наблюдал за всем этим, словно со стороны. Стоял, остолбенело и безмолвно, выполняя ее повеления. Как будто читал биотоки. Разве это я охнул, когда женщина весь, ну весь до упора, вобрала его, влажно охватив губами. Она же еще притянула мои бедра, привлекла, щекотно, вонзив пальцы между ягодицами. Разве я это? Разве я?

Разве я зажал ладонями ее бедра, ощущая одновременно, и крепкую тяжесть чужого тепа, и мякоть податливой женской плоти?

Она повернулась, упираясь локтями в ложе, а я смотрел на то дивное творение природы и, помню, жалел, что не могу всю ее чувствовать сейчас, не могу всю её охватить, видеть...

Лопатки, позвонки, нежные косточки, а ниже округлость бедер и столь резко темная во мраке ночной комнаты щель, куда так стремимся мы, мужчины. Я все-таки попытался прижаться к ней, вобрать ее всю. Мои пальцы нежили ее соски, впиваясь в мякоть груди, мои локти упирались в ее бедра, и вся мужская суть моя проваливалась, пробиралась в ее тело, чувствуя влагу, тепло и страстное движение чужого тела. Это длилось буквально два мгновения. Два секунды. Два глубоких скользких толчка и... меня смело. Я лопнул, как шар. Громко выпуская воздух и брызгая слюной. Меня колотило током, как никогда в жизни — ни до, ни после. Затрясло мощно и цепко, сводя мышцы ног, живота, даже губы стали резиновыми. И я не удивлялся теперь собственным стонам, волнами выплескиваемым из горячего тепа. Выбило, выплеснуло всю страсть, весь пот, все семя. И, поверишь, она, чудо рьяное, срезу усекла, что у меня это впервые. Вот вам и дешевка.

Я нелегал что-то, оправдывался, не помню как. Хотя сам ни о чём не жалел. Да и вообще ничего не чувствовал, кроме кайфа.

Какого-то нового блаженства. И словами говорить об этом — пустой номер.

— И хорошо! И славно! — успокаивала она меня. — Полежим, тихонечко, да? Я и так замучилась, чес-слово?

Может, это и стыдно, вот так вступать в секс. Может, кто-то и умнее. Скажет: фи! и брезгливо поморщится. Но я честно скажу: никогда больше так меня не колотило. И, не при жене будет сказано, ни одну ночь я не помню так ярко, как ту темную ночь в старой квартире Витьки. Он, кстати, проблуждал где-то до следующего вечера. Думаю, не захотел делиться водкой с ней, с женщиной, которую мне подарила судьба. Нет, я не идеализирую, я не о том. Я говорю о желании. Если ты сам не знаешь, чего хочешь, то хоть наизнанку вывернись, никакого секса тебе не видать. Попотеешь, помучаешься и только. Если ты даже с супермоделью в постели, но у нее нет страсти... то извини меня. Да, она может воспламенить одной только внешностью, формами там, бархатом кожи. Но если ей все равно, за что она держится, за орган или за ручку трамвая, то...

Я, может, говорю лишнее. Но почему мы, мужики, так падки до чужих баб? До юбок? До шалав всяких? — Да потому что она, шлюха, шалава, не в названии суть, она в постели не обязанности исполняет, не долг, в отличие от наших благоверных, уважаемых и прочая... Нет. Она со мной будет потому, что хочет! Понимаешь?

А не по привычке или там обязанности. Она не уснет, мирно посапывая, если рядом, упираясь в ее бедро, наливается горячей кровью мое желание.

Вот почему я говорю, что правила хорошего тона, деликатность, порядочность — это, конечно, завоевание цивилизации, но в сексе они... В сексе они, скажем, срабатывают не всегда.

И наши порядочные высоконравственные матроны, презрительно поджимающие губы при виде раскрашенных потаскух, глубоко заблуждаются, однозначно оценивая свое превосходство. Как говорится, в сексе нет весовых категорий.